

УДК 008

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА (на примере купальского обряда)

© Татьяна Михайловна НИКОЛЬСКАЯ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры культуроведения и социокультурных проектов,
e-mail: timnik2004@mail.ru

В настоящее время вновь стала широко изучаться духовная культура русского народа, сохраняющая опыт многих поколений. В связи с этим целью явилась разработка технологии изучения обряда, сбора и классификации информации, произведенная на примере купальского обряда. Приведены этапы изучения обряда, выведена модель обрядового комплекса, удобная для прочтения и понимания всей структуры обрядового комплекса и его смысловой нагрузки. Кроме того, рассматривается обрядовая лексика и наименование праздника. Изучение атрибутивной лексики обряда способствует наиболее полному воссозданию всей технологии изучения. Территориальные предпосылки, от которых зависели действующие лица данного обряда, сопроводительные элементы, а также структура и стратегия обряда дополняют этот семиотический ряд. Так, данная технология позволяет показать, как интересен, самобытен и эмоционален в своем исполнении каждый обрядовый комплекс. А данные, собранные в ходе подобного изучения, лишь подтверждают структуру и говорят о существовании данного обрядового комплекса. Таким образом, подобная технология может быть применена для изучения любого обрядового комплекса, что способствует более полному представлению о быте, верованиях, неповторимости, самобытности фольклорного материала древнейших славян.

Ключевые слова: обряд; технология изучения; духовная культура; сбор и классификация информации.

В настоящее время существует определенная тенденция в сопоставлении языковых факторов с культурологическими, являющиеся ведущими во многих исследованиях последних лет. Это связано, прежде всего, с необходимостью описания сквозь призму языка богатого, одушевленного мира прошлых тысячелетий, который дошел до нас в виде осколков ритуалов и обрядовых действий. Для этого необходима расшифровка обрядов и их символики с целью более точного понимания духовной жизни народа прошлого и его ценностей. «Отсюда вытекает необходимость исследования и реконструкции семантики текстов в широком смысле, предполагающем восстановление древней модели мира» [1, с. 6]. Здесь мы обратились к малой части этого целого, называемой обрядом, а именно к купальскому обряду.

Обряд содержит определенный лексический материал, обладает своей структурой, семантикой и символикой и является организованной и подвижной единицей в общей системе фольклорного материала. Также, имея логическую последовательность и иерархичность образов и ритуальных действий, может быть обличен в некую **модель**, удоб-

ную для прочтения и понимания всей структуры обрядового комплекса и его смысловой нагрузки.

Необходимо отметить, что модель является существенным элементом в системе методов научного исследования. Под моделью понимается любая система, мысленно представляемая или реально существующая, которая находится в определенных соотношениях с другой системой (называемой обычно оригиналом, объектом или натурой).

Необходимость изучения обряда на моделях, заменяющих подлинный объект исследования, диктуется рядом объективных условий и особенностей объектов познания, вследствие которых прямой эксперимент крайне затруднителен или просто невозможен. Существенным отличием рассмотрения обрядового комплекса на основе модели от обычного является его четкая структура. При подобном подходе объект-заместитель и натурное изучение объединяются, сливаются в действующей модели в одно целое.

Таким образом, моделирование – это замена интересующего нас явления моделью меньшего или большего масштаба. Основным смыслом моделирования заключается в том,

чтобы по наглядной модели можно было бы понять весь материал, представить его в доступной и ясной форме.

В данной связи модель выполняет двойную роль: она одновременно является и объектом изучения (поскольку замещает другой, подлинный объект), и экспериментальным средством (поскольку является средством познания этого объекта).

Следует обратить внимание на то, что при использовании модели в изучении обряда значительно усилена роль теории как необходимого звена, т. к. необходимо обоснование отношений между моделью и натуральным объектом.

Рассматривая модель организации купальского обряда, мы исходим из причинно-следственных отношений возникновения данной фольклорной единицы (рис. 1). Под этим понимаются:

- религиозные представления древних славян;
- аграрный календарь;
- стремление к познанию и объяснению природных явлений;
- стремление к передаче накопленной информации.

Данные отношения определяют следующие мотивы возникновения купальского обряда:

- социальные (осуществление коммуникации в обществе и во времени (передача информации от поколения к поколению) и в пространстве;
- религиозные (стремление к очищению от грехов, освобождение от нечистоты духовной и телесной).

Процесс возникновения купальского обряда обусловлен не только причинно-следственными отношениями, но и временным пространством.

Появление данного обрядового комплекса обусловлено также **территориальными предпосылками**, от которых зависели действующие лица данного обряда, сопроводительные элементы, а также структура и стратегия обряда.

Исходя из материалов источников, наиболее широко данный обрядовый комплекс распространен на территории Украины и Белоруссии – 60 %; реже и в несколько измененном виде встречается на территории

стран Прибалтики – 20 %; на территории Москвы и Московской области есть некоторые элементы данного обряда – 5 %. Остальное составляют территории других, близлежащих к Московской областей, в частности, рассматриваемой нами Тамбовской области – 15 %. Наглядно это можно увидеть на рис. 2.

Таким образом, «празднование Ивана Купала совершается почти во всей Великой, Малой и Белой России... в старинное время совершалось и в Западной Европе» [2, с. 210] и странах Прибалтики.

Соответственно территориальной принадлежности, определяются **действующие персоналии обряда**:

- божество – Иван Купала, Морена (Мара / Марена), Кострома, Русалка, Смерть, Ярило, Горюн, Кострубонька, Иван-да-Марья;
- люди – жители данной местности, на территории которой происходил обряд;
- животные – прогон домашнего скота через костер.

Все действие обряда происходило при помощи **сопроводительных элементов**:

- растения: крапива, папоротник, береза и т. д.;
- лексический материал: тексты песен, сопровождающие процесса обряда, экспедиционный материал, различные источники и т. д.;
- праздничная одежда.

К сопроводительным элементам можно отнести две стихии: огонь и воду. Но дело в том, что эти элементы выпадают из общего контекста, являясь особым значительным звеном в общей структуре обряда. Это две стихии, которые не определены временным пространством, но, тем не менее, к нему относятся.

Все вышеперечисленные элементы определены **структурой обрядового комплекса**, которая, по нашему мнению, выглядит следующим образом.

Первым этапом является подготовка к празднику.

Сюда мы можем отнести такие действия, как **украшение домов зелеными ветками**: ветки брались предпочтительно от лиственных пород деревьев, хвойные не использовались. Это объясняется скорее всего тем, что на территории, где проводился купальский обряд, не было хвойных деревьев.

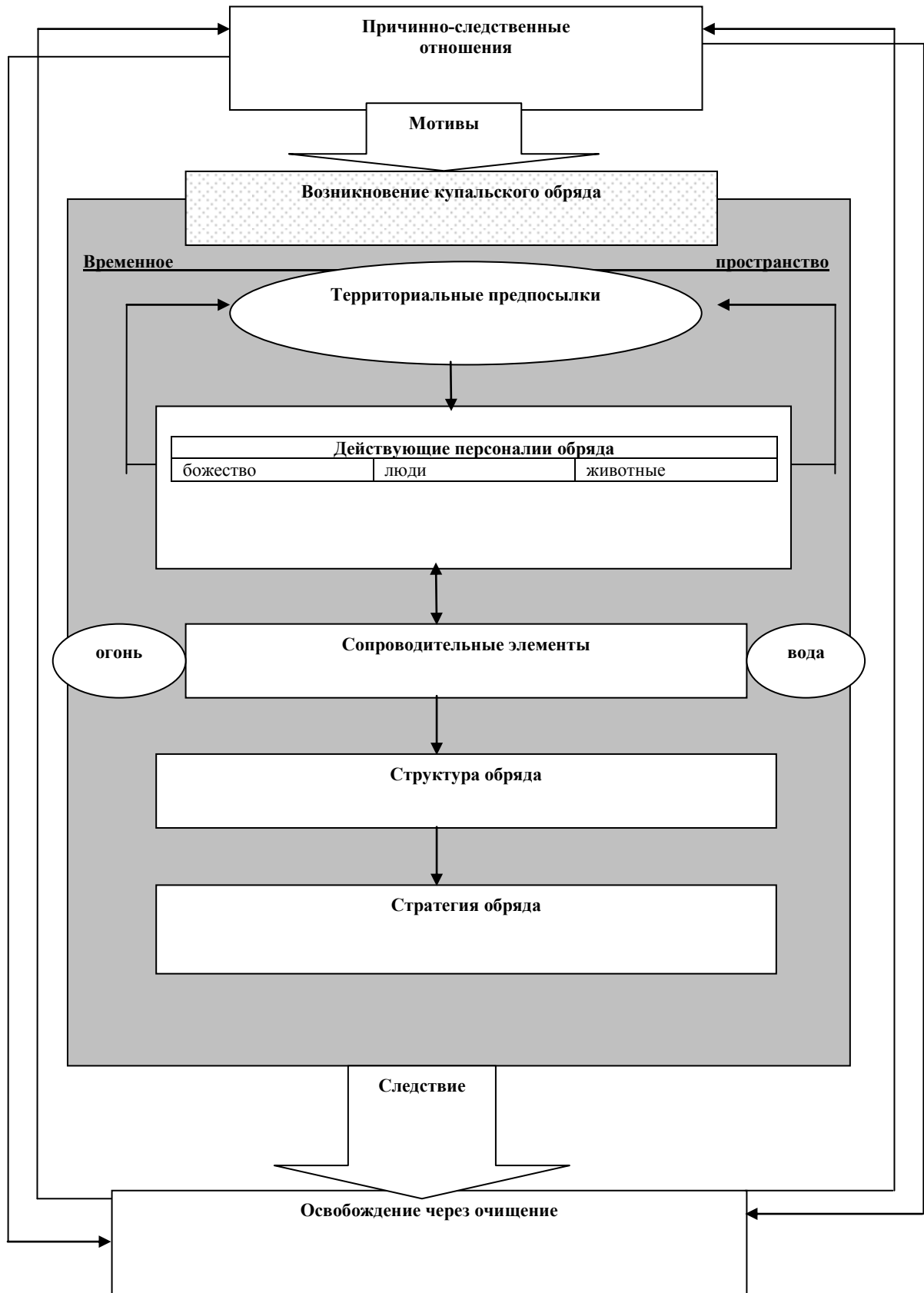

Рис. 1. Модель организации купальского обряда

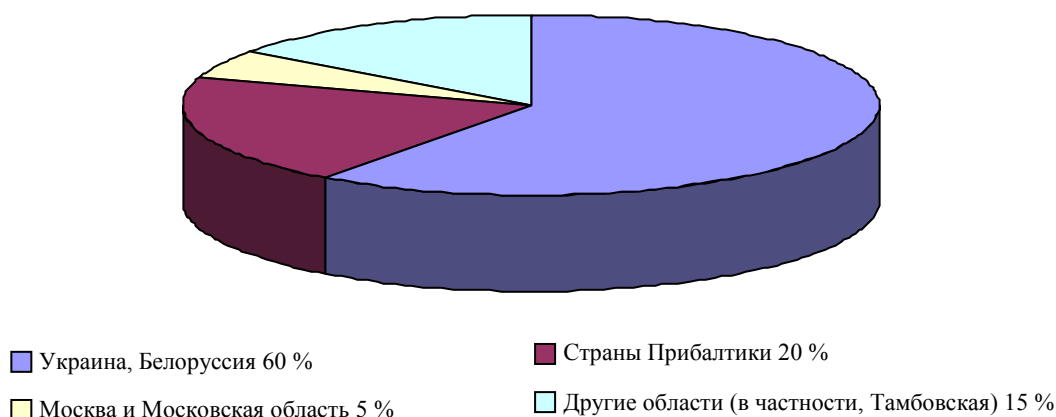

Рис. 2. Распространение купальского обряда по территориальной принадлежности

Сборы девушек и молодых женщин для участия в празднике, «называемые платмой: девушки одевались в свои лучшие наряды и шли к одному месту, где и происходило действие. Наряд состоял из домотканной юбки черного цвета, фартука [*занАвески*], расшитого полосами трех цветов – красного, зеленого и синего (начиная снизу), также одевалась рубаша с очень широкими рукавами розового или красного цветов, что же касается головного убора, то, как правило, надевался платок сатиновый [*кУбовый*] темно-синего цвета в мелкий цветочек с «махорчиками» по углам» [3, с. 19].

Приготовление особой ритуальной еды: еду готовили заранее, чтобы по пришествии с праздника можно было поесть, «разговеться». Данный момент делает купальский обряд сходным с Пасхой. Готовили «*саламаты*» – своего рода блины из воды и муки; *кулагУ* – пирог из пшеничного теста, заваренного кипятком, вареные яйца: это обязательный атрибут праздничного стола, но, в отличие от Пасхи, их не красили, драчены» [3, с. 20].

Второй этап – «завивание колец» на березке или ряжение дерева / установка колеса.

Для этого периода характерно то, что участвовали в нем все.

Как известно, главным действующим лицом всего обряда является «березка», «гостейка», «кума», «Марена» и т. д. В самый день Ивана срубают дерево Марену и ставят его в каком-нибудь месте, и затем каждый вешает на него свой венок из разных цветов.

Прежде еще, сажая под сим деревом дитя или сделанную куклу, украшали ее своими уборами. На стол ставили закуски, горилку. После сего ходят около дерева и поют. К ней же идут с обрядовым угощением.

С главными атрибутами купальских действий – Мареной (или Марой), Купалой разыгрывались красочные многоактовые спектакли.

Не всегда дерево было стационарным и находилось на одном месте. Чаше всего береза или какое-либо другое дерево наряжали лентами, нитками и ходили с ним по дворам, как бы колядуя и выпрашивая угощенье (это подобие рождественских колядок).

В других местах в Купайло, по захождению солнца, девицы собираются в одно место, куда приносят ветвь вербы, убранной цветами, и, утвердив ее в землю, ходят вокруг этого дерева, называемого Купайло, и поют жалобные песни в его честь. Также имели место хороводы.

В поселениях, где местность не отличалась большим количеством леса, ставили колесо: для этого бралась длинная палка, на нее перпендикулярно ставилось колесо и закреплялось, данное сооружение напоминало по форме своей крест. Колесо это также украшали лентами и цветами, и назвалось оно – Купало.

Следом шло действие, олицетворяющее собой обряд изгнания ведьмы или беса, во время которого все брались за руки и пели песни, содержанием которых являлось обращение с просьбой прогнать нечистую и сохранить скот.

Под деревом водили хороводы и пели песни. Содержание этих песен разнообразно. В них воспеваются березки, восхваляется праздник, девушки величают самих себя. Песни передают радостное настроение.

Третьим, небольшим, но не менее важным, был этап, который назывался «кумление».

Это одно из важных мест праздника, во время которого все участвующие в обряде возле березки целовались через венки, которые они сплели, менялись крестами (данный момент свидетельствует о влиянии христианства).

Считалось, что это кумление происходит на весь год. Большую роль играло кумление с березкой: березке надевали свой венок, свои ленты или клали букет цветов к ее подножию.

«Ветки березок загибаются в круг, так что образуются венки, или венки из березок или трав и цветов навешиваются на березки. К этим венкам девушки подвязывали свои крестики, затем сквозь венки целовались, менялись крестами и пели песни, содержанием которых является призыв к кумлению. Покумившиеся девушки считаются подружками на всю жизнь или до следующего кумления через год с другой девушкой, или на срок праздника. Кумятся все девушки, присутствующие при этом обряде» [4, с. 152]. В Тамбовской области девушки нагибают березки, свивают из них венки и попарно подходят сквозь их целоваться.

В некоторых местностях кумление обозначало вступление в определенные родственные отношения. Отсюда и называются сейчас крестные родители кум да кума.

Четвертым этапом было зажжение ритуального огня / сложение снопов из крапивы, «жгучки».

Для разведения огня использовался, как правило, живой огонь, т. е. добытый трением дерева об дерево, и этот огонь назывался божественным.

«В возжигании огней (костров), в сжигании соломы многие ученые видят черты или следы почитания солнца как источника жизни, света и тепла. Для этого есть определенные основания: «игра солнца», которая происходит на Купалу и в дни, связанные с Пасхой, на Троицу» [5, с. 17].

В некоторых селах целую ночь поддерживали купальский огонь, заранее собирая для этого материал иногда со всех дворов. Остатки угольев от костра разметывали во все стороны либо уносили частички бывшего купальского огня с собой, чтобы злая сила не вредила дому и хозяйству. В других местностях огонь заменяли ворохом крапивы, колючего чертополоха. В этом случае жгучий бурьян полагалось отнести к реке и бросить в воду.

Во многих домах и сейчас кладут в Иванов день на окна домов и даже на порогах дверей жгучую крапиву для защиты себя от нападков ведьм, которые бывают «шкодливее» (т. е. особо вредят) в эту страшную ночь.

На поляне (это может быть любая открытая местность, где, как правило, нет поблизости леса) при свете огромного купальского костра начинаются веселые молодецкие игры и забавы, разыгрываются скоморошины, воцаряется атмосфера разгульного веселья.

Костер – символ праздника. Возникает интересный смысл, параллель, которая может быть продолжена: костер как символ праздника вместе с тем является очистительным средством, его сила нередко сопоставляется с силой солнца, и, видимо, не случайно в некоторых случаях уже само солнце раскладывает костер.

Когда костер достаточно прогорит – начинаются **прыжки через огонь и хождение по углям / прыжки через снопы из крапивы**. Это является следующим, пятым этапом обряда на Ивана Купалу.

Через огонь перепрыгивали парень с девушкой, держась за руки, или с ранее сплетенным венком (секирой) в руке. Было важно подпрыгнуть очень высоко. И главное – не разомкнуть рук. Те, кто так перепрыгнули, считались помолвленными.

Также прыгали через крапивный куст и пели.

Во время праздника играли. Обязательной считалась игра в горелки. «Она состояла в том, что играющие образовывали пары и становились вереницей. Впереди тот, кто водит («горящий», «горельщик», «горюн»). Ему нельзя оглядываться назад. Либо он, либо все игроки выкикивали (пели).

После этого «горящий смотрит на небо, а задняя пара в это время, отпустив руки, бежит – один по одну сторону вереницы пар, а другой – по другую, стараясь соединиться снова впереди «горящего». Если это удастся – он продолжает водить, если нет и «горящий» ловит кого-нибудь, то оставшийся без пары становится «горящим» [6, с. 10].

Этап прыжков через костер плавно переходил в другой этап, который считался очистительным – он назывался «**купание**» или «**обливание водой**» всякого встречного и поперечного. Например, в с. Столовом Тамбовской области «деревенские парни одеваются в старое, грязное белье и отправляются с ведрами и кувшинами на речку, где наполняют их самую грязную, мутную водой, а то и просто жидкой грязью, и идут по деревне, обливая всех и каждого и делая исключение только для стариков и малолеток. Но всего охотнее, разумеется, обливают девушек: парни врываются даже в дома, вытаскивают и выносят девушек на улицу силой и здесь с ног до головы окачивают водой и грязью. В свою очередь, и девушки стараются отомстить парням и тоже бегут на реку за водой. Кончается дело тем, что молодежь, перепачканная, мокрая, в прилипшей к телу одежде, возвращается домой» [3, с. 33].

Сюда же мы относим и гадание на венках, не выделяемое в отдельный этап праздника. Девушки шли к реке с венками в руках и пели.

Сплетенные венки, с которыми девушки ходили весь праздник, они бросали в воду. Считалось, что венки уплывут к жениху, но было и другое гаданье: чей венок потонет быстрее всего, та и выйдет замуж раньше всех.

Не всегда в этот день происходит именно купание. Дело в том, что данный обряд имеет разную интерпретацию в зависимости от расположения населенного пункта. Если нет речки, то происходит обливание водой, «обливушки», но если есть река, то, как правило, после прыжков через костер вся молодежь идет на реку купаться.

Следующим моментом в обряде являются «**похороны / сожжение / развитие по ветру Костромы**» / **чучела, «Мары», «русалки**» и т. д.

Внезапно кто-то из участников праздника выхватывает купальское дерево (бесцере-

монно разрывая гирлянды, наводя беспорядок) и бежит к реке, затем купальское деревце топится в воде (пускается по течению). Ветки дерева, оставшиеся участникам, сохраняются ими как символ плодородия. Этот обряд известен как «похороны Костромы», т. е. соломенной куклы, потопляемой в воде «также Кострому... разрывали на части, а потом топили и оплакивали» [4, с. 360].

Смех и глумление в сочетании с искренним оплакиванием в данном случае символизируют мистическую борьбу Жизни и Смерти. Как уже говорилось, куклу, в ознаменование борьбы, можно предварительно свирепо разодрать на части силами всех участников (но такой обряд встречается сравнительно редко). Как правило, девушки причитают.

Но может быть и другой вариант данного момента обряда: участники обряда сжигают чучело Костромы на купальском костре, а золу и пепел забирают себе и хранят весь год. Считается, что она будет их оберегать от недугов и напастей. Кроме того, данный обряд кремации представляет собой «связь сожженного покойника с представлениями о космическом вечном мире и огне как посреднике двух миров, переносчике душ, а также источнике бессмертия» [7, с. 152].

Данный этап может иметь различные вариации. Это зависит от расположения населенного пункта. Сожжение происходит в местности, которая не содержит большого количества лесного массива; пускание по воде возможно там, где река находится поблизости с местом празднования. Что же касается разрывания на части, этот обряд хоть и редок, но все же имеет место в тех районах, где плотность лесного массива велика.

«Похороны» сопровождалась обязательно различными песнями. Песни порой рассказывали целые истории из жизни Костромы и пелись длительное время.

Песни часто выражали сожаление по поводу кончины Костромы.

Интересен тот момент, когда песни пелись с причитаниями и с имитацией оплакивания умершего.

Заключительным этапом был **сбор трав: папоротника, чертополоха** и т. д.

Ночь накануне Ивана Купалы самая короткая – этой ночью никто не должен спать. В зачарованную Купальскую ночь деревья переходят с места на место и разговаривают

друг с другом посредством шелеста листьев; беседуют между собой животные и даже травы, которые этой ночью наполняются особой, чудодейственной силой. Все земное в эту ночь получает сверхъестественную мощь: как злую, так и добрую.

«Сбором трав занимались люди, промышляющие знахарством и колдовством, и бабы, слыvuщие за ведьм. Крестьяне верят, что именно в Ивановскую ночь все эти травы получают особенную силу и даже свойства сверхъестественные» [8, с. 75]. Народная медицина, несомненно, основана на некотором знании целебных свойств отдельных трав и корней.

Травы собирали тайно: «Лихие мужики и бабы в глухую полночь снимают с себя рубахи и до утренней зари роют корни и ищут в заветных местах кладов» [3, с. 38]. Запасались травами на всю зиму. Травы освящались в церкви, и после этого они считались полезными и целебными.

Собирание трав у молодежи превращается в забаву и становится предлогом для игр и развлечений. Молодые не столько заботились о целебных травах, сколько гадали на них о своем будущем. Накануне Ивана Купалы «молодые идут в поле рвать «двенадцать разных трав»; по возвращении домой кладут их в изголовье постели, загадывая свою судьбу. Всякий сон в эту ночь считается вещим» [6, с. 14].

В ночь на Ивана Купалу целебной считалась даже роса.

Папоротник, который раскрывается сильным огненно-красным (издали малиновым) слегка мерцающим цветом, только на несколько мгновений в купальскую ночь дает возможность нашедшему его угадывать будущее. Однако все эти сияния и молнии (не исключение и цвет папоротника) совсем не каждому знахарю видны – для этого особая сноровка и настрой нужны и кроме того заветные слова знать надо. Иной человек и мимо пройдет – ничего не приметит.

Считается, что очень немногим удается найти этот цветок. На Иванов день знахари отыскивают также разрыв-траву, известную и немцам. Считается, что против нее будто не устоит никакой замок, а на муравьиных кучах масло собирается в стеклянную посуду как целительное средство от многих недугов. Из цветов особенно в этот день срывают ку-

паленку, медвежье ушко, богатенку, которую в Новгородской губернии крестьяне втыкают в стену на имя каждого из семьи, замечая, что если чей цветок скорее завянет, тому или умереть в тот год, или захворать. Тогда же под корнем черныбыльника отрывают земляной уголь, который употребляется между простолюдинами как исцеление от падучей болезни и «черной немочи», исцеляемой и корнем сего растения.

Травы и цветы, собранные в Иванов день, высушивают и берегут их, почитая больше целебными, нежели собранные в другое время. Ими окуривают больных, борются с нечистью, их бросают в затопленную печь во время грозы, чтобы предохранить дом от удара молнии, употребляют их и для разжигания любви.

Из чудесных трав, собираемых в это время, стоит назвать «плакун-траву», особенная сила которой, по мнению крестьян, заключена в ее корне, имеющем свойство прогонять злого духа; владелец же корня будет внушать к себе страх; «терлыч-траву» употребляется для очарования парней девушками: они носят ее у себя за пазухой. Травка «зяблица» помогает от ребячьего крика и от бессонницы.

Каждый этап праздника как бы вытекает из предыдущего и некоторым образом подготавливает его. Но нужно оговориться и сказать о том, что данная и достаточно четкая последовательность событий вовсе не означает, что невозможно выпадение какого-либо из элементов: они подвижны. Здесь этапы могут меняться местами или просто выпадать из общей структурной схемы.

Весь купальский обрядовый комплекс можно представить в виде схемы (рис. 3).

Данная схема представляет собой цепь последовательных событий, заключенных в некое целое, называемое «Праздником».

Все элементы этого целого объединены одним словом «праздник» и заключены в круг. Применение символа «круга» неслучайно. Он обозначает некое замкнутое пространство, внутри которого происходят известные события. Кроме того, это явление временной цикличности, годовой круг праздника.

Данные положения – структура обряда и сопроводительные элементы определяют некую стратегию обряда, следствием которой

является освобождение от грехов через очищение.

Таким образом, из всего вышеизложенного видно, что купальский обряд представляет собой некое организованное действие, имеющее свои закономерности и особые элементы, отличающиеся своей исконностью и самобытностью.

Другим моментом в технологическом процессе изучения обрядового комплекса является изучение **наименования данного праздника**. В связи с этим необходимо проследить все этимологические составляющие его. Обратиться не только к окончательному варианту названия, но и к первоначальному.

В данном случае название праздника, несмотря на многогранность названий, отождествляется с одним из значений слова Купала

и приравнивается по значению к слову «очищение». Кроме того, согласно этимологии слова «Купала» – это «день Ивана Купала, укр. купало, купайло, блр. Купала. От Иван Купала, собственно «Иоанн Креститель»; начиная с этого дня разрешалось купаться, т. к. согласно народному поверью, Иоанна Креститель в этот день прогонял из воды злых духов» [9, с. 419], т. е. очищал ее. А сходство в образах Купалы и Иоанна Крестителя говорит о наложении двух образов один на другой и подтверждает основное назначение праздника и его этимологию. Необходимо заметить также, что образ Купалы принадлежит к числу божеств, и отметить, что он не может и не имеет половой принадлежности.

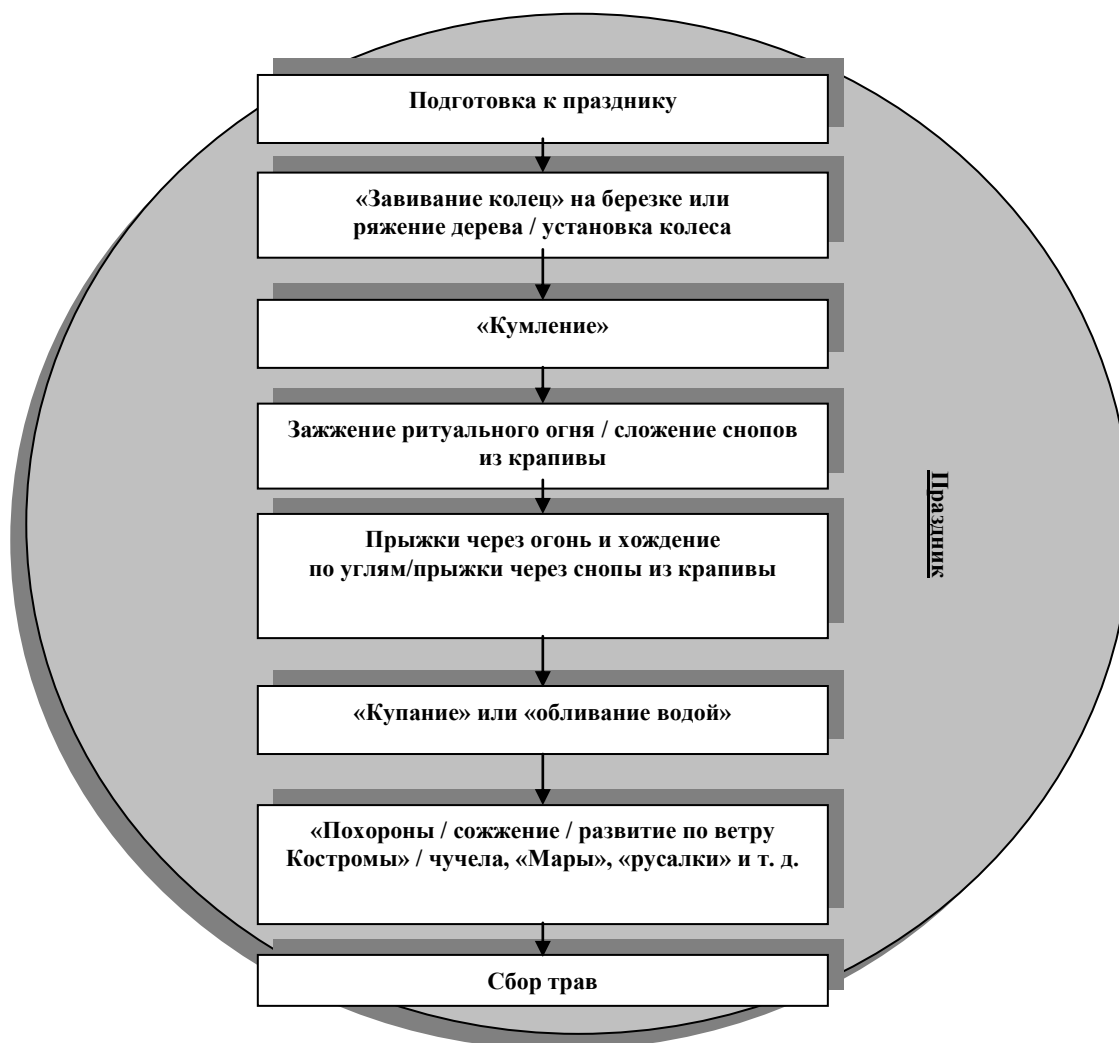

Рис. 3. Схема праздника

Согласно известным данным, мы можем представить наименование праздника по степени распространенности в виде схемы (рис. 4).

Таким образом, существует некая парадигма названий: Марена (Мара, Марена), Купала, Кострома – эти названия распространены на территории Тамбовской области. Ряд других или уже утрачен совсем и существует только в источниках, или же встречается довольно редко – Русалка, Смерть, Ярило, Горюн, Кострубонька, Иван-да-Марья.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, насколько многогранен и многозначен сам обряд, настолько и сам обряд видоизменен и сложен в своем толковании.

Обрядовая лексика, сопровождающая обряд, является следующим этапом в изучении обрядового комплекса. Она неоднородна с функциональной стороны, поскольку употребляется в различных речевых ситуациях и обладает различными функциями. С этой точки зрения возможно выделение собственно-номинативной, поэтической и магической обрядовой лексики. Собственно-номинативная обрядовая лексика называет обряд и его компоненты, в какой-то степени интерпрети-

рует их, функционируя как в обрядовых, так и в необрядовых ситуациях.

Лексика каждого обряда представляет собой наибольшую ценность в научном и социально-культурном отношении. Входя в общий корпус обрядовых знаков, лексика является объектом изучения лингвистики, что представляется особенно важным в эпоху возрождения национальных культурных ценностей.

Так, для обозначения травы, которая жжется, используемой в купальском обряде, «отмечаются следующие лексемы: ЖГУЧКА, ЖИМГУЧКА. КОСТРИКА, СТРЕКАВА, ЖИГАЛКА, КРАПИВА, КРАВИВА. Данные лексемы ярко свидетельствуют о наличии такого явления в говорах, как синонимическая дублетность, абсолютная синонимия, лексическая дублетность, лексико-семантическая вариативность» [3, с. 111].

В основу номинации положено действие, характеризующее это растение: «ЖГУЧКА, ЖИГАЛКА явно произошли от глагола «жечь» (отмечается диалектный глагол «жИгать») (жечь что-либо на огне)» [10, т. 3, с. 261]. Слово КОСТРИКА этимологически связано со словом костер.

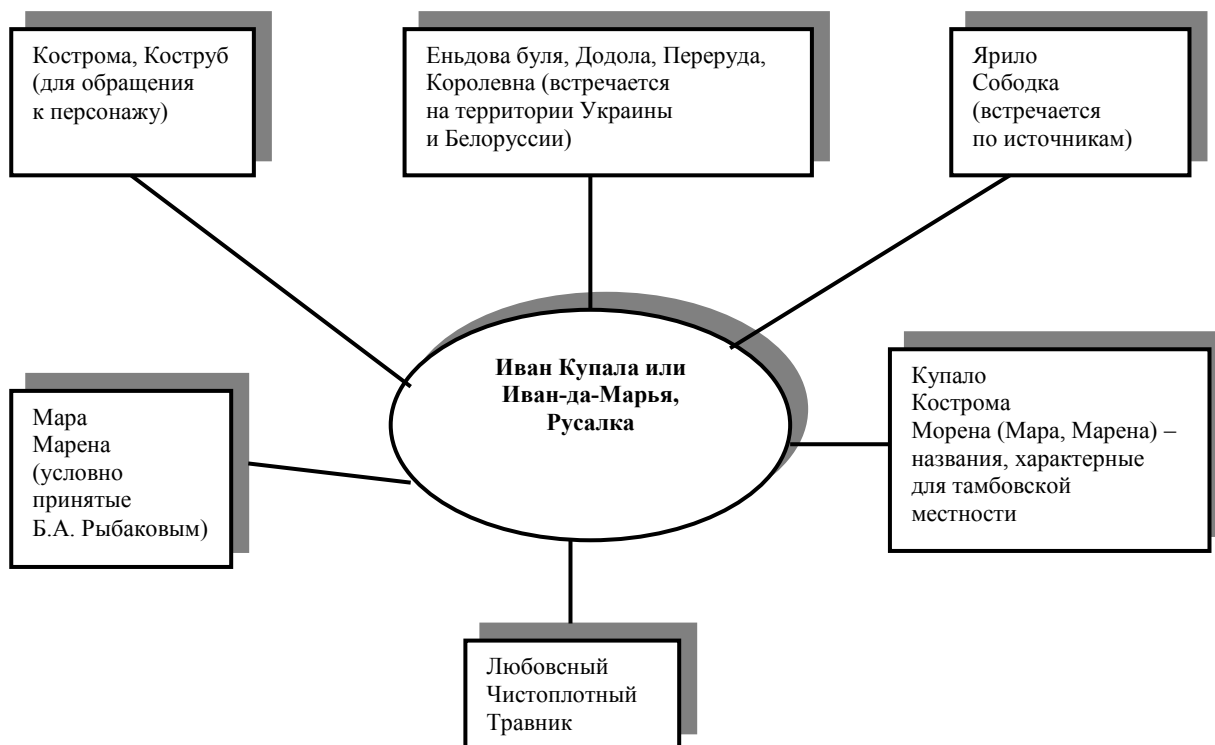

Рис. 4. Наименование праздника по степени распространенности

Ранним утром женщины «черпают росу»; для этого берется чистая скатерть и «БУРАК», с которым и отправляются на луг. Здесь скатерть таскают по мокрой траве, а потом выжимают в бурак и этой росой умывают лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болесть» и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей.

Иногда черпают росу не только для здоровья, но и для чистоты в доме: купальской росой кропят кровати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы.

Накануне Ивана дня некоторые женщины обязательно мыли у колодца или на реке «КВАШЕНКИ», «ДЕЖКИ» – кадушки, в которых приготавливают тесто для ржаного хлеба» [10, т. 5, с. 11].

Отмечаются особые наименования трав с затемненной и неясной номинацией и термины с постоянными определениями типа «дикий», «лесной». Растения, служащие предметом ритуального применения, как правило, не идентифицируются и не выделяются в особую группу, что, в принципе, вполне возможно. Иногда «ритуальные» растения сохраняют нейтральные наименования, совпадающие с литературным языком. Например, на Троицу пол устилали травой ЧЕБРЕЦ, иногда это же растение называли ЧАМБЕР. Диалектные названия сохраняются и сосуществуют с литературными. Из трав, собираемых в это время, следует отметить «плакун-траву», особая сила которой, по мнению сельских жителей, заключается в ее корне, имеющем свойство прогонять злого духа, владелец же этого корня будет внушать к себе страх. Трава чернобыльник, по народному поверью, охраняет двор и дом от порчи.

Таким образом, мы можем увидеть, что атрибутивная лексика купальского обряда, включающая в себя и наименование трав, и других сопроводительных элементов, является особым звеном в изучении обрядового комплекса, формирующим целостное представление о нем.

Текстовое оформление купальского обряда также необходимо рассмотреть с целью формирования целостного представления о самобытности обрядового комплекса, характеризующегося своей неповторимостью и эмоциональностью изложения информации.

Итак, технология изучения обрядового комплекса включает в себя следующие элементы:

- 1) модель, необходимую для более удобного прочтения и понимания всей структуры обрядового комплекса и его смысловой нагрузки;
- 2) территориальные предпосылки, от которых зависели действующие лица данного обряда, сопроводительные элементы, а также структура и стратегия обряда;
- 3) действующих персоналий обряда;
- 4) сопроводительные элементы и их изучение;
- 5) структуру обрядового комплекса, которая выстраивается в ходе детального изучения обряда;
- 6) наименование данного праздника, способствующее более четкому пониманию всех составляющих обряда;
- 7) обрядовую лексику, подтверждающую самобытность каждого обряда.

Таким образом, данная технология позволяет показать, как интересен, самобытен и эмоционален в своем исполнении каждый обрядовый комплекс. А данные, собранные в ходе подобного изучения, лишь подтверждают структуру и говорят о существовании данного обрядового комплекса (хоть и в сильно измененном виде).

Исследование каждого праздника способствует более полному представлению о быте, верованиях, неповторимости, самобытности фольклорного материала древнейших славян.

1. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древнейший период). М., 1965.
2. *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996.
3. *Никольская Т.М.* Структура, семантика и лексика Купальского обряда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.
4. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 2013.
5. *Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М., 2003.
6. *Никольская Т.М.* Семиотические аспекты купальского обряда // Аналитика культурологии. 2010. № 16.
7. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

8. *Пронн В.Я.* Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М., 2006.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 2007. Т. 2.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2011.
1. *Ivanov V.V., Toporov V.N.* Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (Drevneyshiy period). М., 1965.
2. *Sumtsov N.F.* Simvolika slavyanskikh obryadov. М., 1996.
3. *Nicol'skaya T.M.* Struktura, semantika i leksika Kupal'skogo obryada: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2003.
4. *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevnikh slavyan. М., 2013.
5. *Tolstoy N.I.* Ocherki slavyanskogo yazychestva. М., 2003.
6. *Nicol'skaya T.M.* Semioticheskie aspekty kupal'skogo obryada // Analitika kul'turologii. 2010. № 16.
7. *Veletskaya N.N.* Yazycheskaya simbolika slavyan-skikh arkhaiskikh ritualov. М., 1978.
8. *Propp V.Ya.* Russkie agrarnye prazdniki. Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya. М., 2006.
9. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. М., 2007. Т. 2.
10. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. М., 2011.

Поступила в редакцию 20.10.2015 г.

UDC 008

TECHNOLOGY OF RITUAL COMPLEX STUDY (BASED ON THE EXAMPLE OF KUPALSKY RITE)

Tatyana Mikhaylovna NIKOLYSKAYA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Cultural Studies and Socio-Cultural Projects Department, e-mail: timnik2004@mail.ru

At the moment the spiritual culture of Russian people, which keeps the experience of many generations is studied. According to this the aim is development of technology of rite study, collection and classification of information based on the example of kupalsky rite. The stages of study of rite, the model of ritual complex convenient for reading and understanding of all structure of ritual complex and its semantic obligation are discussed. Besides, the ritual lexicon and the name of the holiday are reviewed. The study of attributive lexicon of rite assists to full representation of all study technolog. The semantic raw is added by territorial suppositions of which were dependent the characters in this rite and also accompanying elements and the structure and rite strategy. Thus, this technology helps to show how interesting, original and emotional every ritual process is. The data collected during this study prove the structure and tell about existence of this ritual complex. Thus, this technology may be used for studying every ritual complex that promotes the deeper understanding of way of life, beliefs, singularity, individuality of folklore material of ancient Slavs.

Key words: rite; study technology; spiritual culture; collection and classification of information.